

**ПРЕДЫСТОРИЯ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО
СОТРУДНИЧЕСТВА В ЦИРКУМАМУРСКОМ РЕГИОНЕ: ДОЛГОЕ СБЛИЖЕНИЕ
ИМПЕРИЙ (СЕРЕДИНА XVII— КОНЕЦ XIX ВВ.)**

Барбенко Я.А.,

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток

Аннотация. В рамках исследования анализируется состояние региона Дальний Восток России – Северо-Восточный Китай от первых признаков складывания до возникновения феномена трансграничного межгосударственного сотрудничества. Рассматриваются исторические формы российско-маньчжурского взаимодействия и состояние как региона в целом, так и основных его территориальных компонент по обе стороны Амура. Делается вывод о параллельном развитии юга Дальнего Востока России и Северо-Восточного Китая во второй половине XIX в. как предпосылке формирования единого экономического пространства по обе стороны Амура на рубеже XIX и XX вв.

Ключевые слова: *Дальний Восток России, Северо-Восточный Китай, Циркумамурский регион, межгосударственное взаимодействие, экономическое сотрудничество*

**THE PREHISTORY OF RUSSIAN-CHINESE ECONOMIC PARTNERSHIP IN THE
CIRCUMAMUR REGION: THE LONG CONVERGENCE OF EMPIRES
(MID-XVII — LATE XIX CENTURIES)**

Barbenko Y. A.,

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

Abstract. The study analyzes the state of the Russian Far East – Northeast China region from the first signs of folding to the emergence of the phenomenon of cross-border interstate cooperation. The historical forms of Russian-Manchurian interaction and the state of both the region as a whole and its main territorial components on both sides of the Amur are considered. The conclusion is made about the parallel development of the south of the Russian Far East and Northeastern China in the second half of the XIX century as a prerequisite for the formation of a single economic space on both sides of the Amur River at the turn of the XIX and XX centuries.

Keywords: *Russian Far East, Northeast China, Circumamur region, international interaction, economic cooperation*

Введение. Данное исследование является развитием практики ретроспективного анализа трансграничного сотрудничества в регионе Дальний Восток России – Северо-Восточный Китай [6]. Исходным пунктом рассуждений будет роль государства как регионообразующего фактора и для юга Дальнего Востока России (Приамурье), и для Северо-Восточного Китая (Маньчжурии); это во многом связано с такими особенностями двух частей Циркумамурского региона изучаемого периода, как неразвитость и недоступность. Для Приамурья, в конечном итоге утвердившегося в составе России, эти качества выражены в большей степени, а значит и роль государства в его существовании и развитии имеет исключительное значение (см., например, [5]). Для Маньчжурии же, в XVII в. присоединившей Китай, но уже в XIX в. ставшей его придатком, фактор государства долгое время ограничивал развитие. Цель данного исследования: зафиксировать состояние региона Дальний Восток России – Северо-Восточный Китай до момента установления трансграничного экономического сотрудничества в конце XIX в.

Материалы и методы. Данное исследование является продолжением развивающегося проекта, соответственно, наследуются и методологические основания [6, с. 82–83]. Историко-географический анализ складывания предпосылок трансграничного экономического сотрудничества выполнен на базе вторичных источников. Задача исследования — структурировать уже известные факты вокруг категории «межгосударственное региональное сотрудничество» для формирования представления о предшествующих экономическому сотрудничеству способов взаимодействия субъектов регионостроительства соответствующих этим способам состояний Циркумамурского региона.

Результаты исследования. Указывая на государство в качестве субъекта регионообразования, определим следующую периодизацию предыстории межгосударственного регионального сотрудничества¹⁷: I этап, 1644–1689 гг., время неурегулированных, стихийных отношений Российского и Цинского государств в Циркумамурском регионе; II этап, 1689–1850 гг., договорные, но фактически отложенные отношения империй, развивающиеся за пределами региона; III этап, 1850–1896 гг., урегулированные отношения в пределах региона, с акцентом на развитии субрегионов, находящихся под контролем каждого из государств (Приамурья для Российской империи и Маньчжурии для Цинской). Предыстория сотрудничества заканчивается тогда, когда оба государства согласовали такие инструменты сквозного экономического развития Циркумамурского региона, как Русско-китайский банк (1895) и КВЖД (1896). Каждый из этапов задавал своеобразную пространственную конфигурацию региона, связанную с возможностями и целями субъектов регионообразования — соперничающих государств.

Первый этап, история которого начинается в 1644 г. с выходом русского отряда Пояркова на Амур. Незадолго до этого, в 1636 г., завершилась этнополитическая консолидация чжурчжэней под началом Абахая в рамках империи Цин, а в 1644 г. было нанесено военное поражение империи Мин, в результате чего открылась перспектива цинского контроля над Китаем. Разведка Пояркова привела к тому, что с рубежа 40-х—50-х гг. XVII в. русские ведут активную политику на Амуре. Несмотря на противоречивость этой политики, в которой переплетались долговременные государственные интересы продовольственного обеспечения служилых Восточной Сибири и частные интересы быстрого оборота вложенных в походы средств [12, с. 8–10], русские не просто облагают данью племена Амура, но также в 50-е—80-е гг. развивают собственное многоотраслевое хозяйство [7, с. 45–56]. Отношения между русскими и маньчжурами как двумя потенциально доминирующими силами в Циркумамурском регионе развивались в форме соперничества за территории. Интенсивность этих отношений зависела от ограниченных возможностей и русских, имевших устойчивую кадровую и продовольственную базу не ближе европейской части государства, и маньчжур, сосредоточивших силы на покорении Китая.

Военно-политическое противостояние на Амуре начинается в 50-е годы, включая как непосредственные боевые столкновения (преимущественно это осады русских острогов маньчжурами), так и депортации аборигенных родов и целых племён. Последнее использовалось маньчжурами как способ лишения русских и ясака, и собственно подвластного населения [7, с. 32]. В результате, аборигенное земледелие на Амуре было замещено русским земледелием, причём с 50-х гг. здесь развивается частное земледелие, а с 70-х появляется и государственное («государева десятинная пашня»). Всё это позволяет историкам сделать вывод о формировании на Амуре в третьей четверти XVII в. русского земледельческого района, поддерживаемого системой расселения, включавшей помимо военных объектов земледельческие заимки, слободы и деревни [7, с. 50, 43–44].

¹⁷ Отметим условность чётких дат, важных более для восприятия периодизации, реальные исторические процессы исключительно редко имеют такие определённые границы.

Важно отметить, что к середине XVII в. Цинам, непосредственно контролирующим территории современной провинции Ляонин, земли вдоль Амура были ненамного более знакомы, чем русским. Северо-маньчжурские территории были населены для маньчжур «невежественными варварами» [8, с.112]¹⁸. Соответственно, русско-маньчжурское противостояние на Амуре стало основанием для формирования Циркумамурского региона как поля взаимодействия двух империй, поля, которое надо было не только захватить, но сначала что-то о нём узнать. Стороны, участвовавшие в конфликте на Амуре, преследовали разные цели: русские в интересах укрепления своего присутствия в Восточной Сибири нуждались в экономическом развитии нового Албазинского уезда (существовал в 1682–1689 гг.), а маньчжуры в интересах укрепления своего присутствия на севере Маньчжурии и на смежных территориях нуждались в вытеснении русских на далёкую периферию амурских земель.

В результате войны 80-х гг. и серии дипломатических миссий, высшей точкой которых были переговоры в Нерчинске в 1689 г., Циркумамурский регион достался Цинской империи, русские обязались покинуть амурские земли. Практика показала, что Циркумамурский регион играл для Цинской империи роль буфера по отношению к империи российской, показавшей свои территориальные аппетиты. Важно понимать очень разную ценность амурских земель для двух империй. Цины, стремящиеся подчинить Китай и, в перспективе, другие южные земли, не видели никакой экономической ценности Амура: значение стала играть территория как буфер; причём чем пустынее и непривлекательнее будет этот буфер, тем эффективнее он будет работать. Русские, наоборот, двигаясь с менее плодородного севера на юг, нуждались в Амуре именно экономически. Возможно, что потеря Албазинского воеводства сказалась на способах и результатах развития русскими Северо-Восточной Сибири и Аляски.

Второй этап, продолжавшийся с 1689 по 1850 гг., отмечен тем, что Циркумамурский регион, будучи под контролем Цинской империи, находился в состоянии системного застоя. Причиной этого, скорее всего, является его относительная непривлекательность на фоне более развитого Китая. С другой стороны, опасения за судьбу Мукдена, обезлюдившего после переселения маньчжур в Китай, заставили администрацию уже с 50-х гг. XVII в. заботиться о заселении этой южной территории Маньчжурии имевшимися в избытке китайцами, как ссыльными, так и беглыми [8, с. 21–24]. Необходимо отметить, что нарастающий недостаток земли в Китае породил интерес китайских крестьян к земельному изобилию Маньчжурии, что спровоцировало систему запретов с 1668 г. [14, с. 18]. В целом, в течении второй половины XVII — первой половины XIX вв. политика Цинов относительно китайской миграции в Маньчжурию склонялась то в сторону поощрения притока рабочих рук, то в сторону ограничения китаизации региона. В результате, по оценке очевидца, уже к середине 40-х гг. XIX в. китаизация Маньчжурии состоялась [8, с. 198].

Параллельно маньчжурская администрация развивала систему управления территорией, основываются новые города как центры новых военных административно-территориальных единиц — фудутунств, по мере увеличения гражданского, в первую очередь китайского, населения, появляется и постепенно растёт система гражданского управления. Все эти территориальные единицы располагаются на территории Маньчжурии и Внутренней Монголии. С конца XVII в. до начала XIX в. в Южной Маньчжурии была

¹⁸ На фоне споров историков о том, границей чего был Ивовый палисад, проходивший в том числе относительно недалеко от столицы Цинов Мукдена, можно указать на позицию авторов «Исторического атласа Северо-Восточной Азии», распространявших влияние Поздней Цзин до устья р. Сунгари и оз. Ханка, и влияние Цин с 40-х гг. XVII в. на территорию от верховьев Амура до устья Усури и далее на юг до устья Тумангана [15, р. 33, 37], А.В. Голиков определяет северную границу Цинской империи в 40-е — 80-е гг. XVII в. на юго-востоке современной пров. Цилинь [3, карты 2, 3].

создана сеть ханских администраций [4, карта 2]. Территория Приамурья до устья Сунгари была в ведении Хэлуцзянской военной администрации, ниже устья Сунгари — в ведении Нингутской (позднее Цицилинской) военной администрации [15, р. 55, 79]. При этом фактическое влияние Цинов по самым щадящим оценкам не уходило далее русла верхнего и среднего течения Амура и долины Уссури даже в XIX в. [15, р. 115]. Знаменная система управления включила территорию Северной Маньчжурии по дуге Гирин-Цицикар-Сахалян в 1684–1705 гг. и продвинулась к Малому Хингану и до среднего течения Сунгари в течение 1715–1838 гг. [4, карта 3].

Между двумя империями в последней трети XVII и первой трети XVIII вв. выстраивается активная линия дипломатических контактов, урегулировавших протяжённые границы, сначала на восточном¹⁹, а затем и на западном, южно-сибирском участке, учредивших регулярное торговое сообщение под государственным контролем. При этом важно отметить, что Циркумамурский регион оставался выключенным из системы российско-цинских отношений, изредка обозначаясь эксцессами нарушения границы (там, где она была обозначена). Экономическое сотрудничество между империями осуществлялось в форме караванной торговли в обход региона — через Монголию (таможня находилось в г. Кяхта).

Третий этап предыстории сотрудничества целесообразно отсчитывать не от результатов межгосударственного соглашения, а от инициативы русской стороны по пересмотру границы. В контексте нашего исследования, это означает инициативу русской стороны по актуализации Циркумамурского региона как трансграничного с точки зрения государственной принадлежности. Инициатива состояла в активной исследовательской работе, предпринятой в 40-е— 50-е гг. XIX в. в районе верхнего и нижнего течения Амура и их окрестностей. Среди результатов Сибирской экспедиции ИАН под руководством А.Ф.Миддендорфа (1842–1845) были данные о несоответствии описаний границы 1689 г. реальной местности. Это спровоцировало организацию экспедиции Н.Х. Агте в Забайкалье и на Верхнем Амуре (1849–1853), которая совпала с Амурской экспедицией Г.И. Невельского²⁰ (1849–1855). На примере двух последних экспедиций мы вновь (как и для XVII в.) видим сочетание государственного и частного интереса в новых территориях, но в случае Невельского этот частный интерес не имел под собой никакой экономической основы. Отмечу, что уже в 60-е гг. появляется и частный коммерческий интерес к Приамурью, в первую очередь у золотопромышленников [7, с. 252].

Данный этап может быть условно разделён на фазы преимущественно структурного (50–60-е гг.) и преимущественно функционального (70–90-е гг.) складывания региона. Структурное складывание трансграничного Циркумамурского региона начинается с активных русских экспедиций в Приамурье с 1849 г., продолжается начавшимся в 1853 г. односторонним пересмотром границы, который в 1858, 1859 и 1860 гг. был подтверждён и развит в серии двусторонних российско-цинских договоров о территориальном размежевании в Приамурье [1].

Новая делимитация двух империй, состоявшаяся на рубеже 50-х и 60-х гг., обозначала не только возвращение России на Амур и формирование территориальной основы российского Дальнего Востока на юге, но и стимулировала территориальную консолидацию Маньчжурии. Маньчжурия имела границу на юге (фактически им стал Ивовый палисад), но не имела их на севере (фактически ими стали гигантские малозаселённые расстояния до

¹⁹ Судя по степени точности описания границы на забайкальско-охотском участке границы, это была, скорее, постановка вопроса, чем окончательное разрешение [13, с. 87].

²⁰ Эта экспедиция была фактически частным предприятием, начинавшимся в 1849 г. как нелегитимное отклонение от задач обслуживания капитаном Невельским интересов РАК на азиатском побережье Тихого океана, но уже с 1853 г. находящимся в статусе государственного предприятия.

ближайших поселений подданных Российской империи). Получив границу по Амуру и по Усури, две империи занялись делами по внутреннему обустройству приобретений. Российская империя строила в Приамурье сеть поселений, развивала военную инфраструктуру, пыталась привлекать переселенцев из любых районов империи и из-за рубежа. Надёжными источниками пополнения населения нового региона, тем не менее, оставались администрируемое переселение казаков и увольнение военных со службы. Гражданские переселенцы шли неохотно, преимущественно из районов Восточной Сибири [9, с.67–68]. Поскольку основными дорогами были водные пути, система расселения была привязана к речной системе и морскому побережью. Цинская администрация развивала Маньчжурию во второй половине XIX в. таким образом, что в северной части её возникали новые знаменитые гарнизоны, а в южной и центральной гражданские уезды и округа [4, карта 4].

Трансграничное взаимодействие в новых условиях осуществлялось в следующих формах: 1) функционирование анклава маньчжурских поселенцев в Амурской области в районе устья Зеи, обладавших фактической экстерриториальностью [11, с. 66], хотя и обязаны были подчиняться российской администрации [14, с. 41]; 2) трансграничная торговля по условиям порто-франко, действовавшим в Приамурье [7, с. 262]; 3) легальное пересечение границы подданными Цинской империи; 4) нелегальные переходы государственной границы китайцами и маньчжурами для ведения на территории России промысловой деятельности [14, с.34–35], а также нерегулируемые переселения аборигенов [9, с. 82]; 5) нелегальная практика трансграничного хозяйствования со стороны казаков (участие в контрабанде товаров, землепользование по другую сторону границы [10, 129–130]; 6) контакты местных администраций обеих сторон по вопросам регулирования трансграничного движения. Как видно, некоторые формы взаимодействия (2, 3, 4, 5) имели экономический характер или могли быть прямой предпосылкой экономической деятельности.

Фаза функционального складывания Циркумамурского региона, приходящаяся на конец 70-х — первую половину 90-х гг. XIX в., связана с уплотнением населения по обе стороны границы, ростом скорости экономического развития территорий. Так, после 1878 г. во всех провинциях Маньчжурии учреждаются колонизационные бюро для руководства переселением китайцев, то есть администрация берётся за работу по управлению заселением и развитием территорий [14, с. 26]. Параллельно с этим в 1879 г. было осуществлено переселение части уссурийских казаков на пограничье между Ханкой и Туманганом [7, с. 235], а в 1882 г. было учреждено Южно-Уссурийское переселенческое управление, задачей которого была организация ускоренного морского переселения крестьян из европейской части империи в Южно-Уссурийский край [2, с. 32]. Совпадение этих мер по обе стороны границы неслучайно, поскольку обе империи оказались втянуты в пограничный конфликт в Средней Азии, находясь какое-то время в перспективе его обострения: оба государства проводили меры усиления военных сил в том числе и в Циркумамурском регионе [2, с. 31].

Образование Приамурского генерал-губернаторства в 1884 г. продолжает линию структурирования региона, а перенесение центра управления на территорию Приамурья, в г.Хабаровку, оказало влияние на рост функциональности региона: усиливается административная работа, государство вкладывает средства во всё большее количество проектов, требуется всё больше рабочих рук, пополняемых за счёт переселенцев из других частей России и китайских отходников, роль которых возрастает и в сельском хозяйстве, и в промышленности, и, главное, в строительстве. Интересно, что ранее 1878 г. не проводилось специальных исследований (хотя были наблюдения) присутствия китайцев или подданных Цинской империи на территории российского Приамурья [14, с.37].

К концу XIX в. Маньчжурия, заселённая преимущественно китайцами, перестала быть малоразвитой окраиной империи, что вполне могло стать основой российско-китайского

сотрудничества в рамках Циркумамурского региона, но постепенный процесс экономического соразвития в рамках региона был ускорен политическими событиями: оформлением российско-цинского антияпонского союза и заключением ряда межгосударственных экономических соглашений середины 90-х гг. как реакция на поражение Циннов в японо-китайской войне 1894–1895 гг. и усиления Японии в Северо-Восточной Азии.

Выводы. По результатам исследования предыстории экономического сотрудничества в Циркумамурском регионе можно видеть, как в рамках первого этапа, 40-х— 80-х гг. XVII в., регион был проблематизирован как совместный, трансграничный относительно двух империй, Российской и Цинской, однако по итогам соглашения 1689 г. остался в поле влияния только одной из них — Цинской. Важно отметить, что для Российской империи Приамурье имело в первую очередь экономическое значение, в то время как для Цинской исключительно политическое. Этап конца XVII — середины XIX вв. для региона прошёл в ситуации дальней буферной периферии Цинской империи. Основным качеством этого буфера была заброшенность и неразвитость; основным двигателем развития было стихийное просачивание в южную, маньчжурскую, его часть китайцев, что вынуждало маньчжурскую администрацию постепенно развивать здесь систему гражданского управления. Этап второй половины XIX в. возвращает региону трансграничный характер, каждая из империй-владельцев своей части региона развивает её самостоятельно, трансграничные контакты являются стихийными и локальными, но имеющими экономическое содержание. Формирование таких трансрегиональных институтов экономического взаимодействия с государственным участием, как Русско-Китайский банк (1895) и Общество Китайско-Восточной железной дороги (1896) маркирует начало истории межгосударственного экономического сотрудничества в рамках региона «Дальний Восток России – Северо-Восточный Китай» и в перспективе формирования трансграничного экономического региона.

Литература

1. Барбенко Я.А. Разрешение Амурского вопроса: сначала присоединить, затем легитимировать // Россия и АТР. 2019. №2. С.5–19. DOI 10.24411/1026-8804-2019-10017
2. Буссе Ф. Ф. Переселение крестьян морем в Южно-Уссурийский край в 1883–1893 годах. Санкт-Петербург.: б. и., 1896. IV, 166, 57 с.
3. Голиков А. История Цинской империи в Китае (XVII – XX вв.) в картах и таблицах. Часть 1. Карты / Официальный сайт журнала «Ойкумена. Регионоведческие исследования» URL <http://ojkum.ru/blog/projects/179-istoriya-tsinskoj-imperii-v-kitae-xvii-xx-vv-v-kartakh-i-tablitsakh-chast-1-karty.html> (Дата обращения: 20.02.2024).
4. Голиков А. История Цинской империи в Китае (XVII – XX вв.) в картах и таблицах. Часть 2. Карты / Официальный сайт журнала «Ойкумена. Регионоведческие исследования» URL <http://ojkum.ru/blog/projects/14-qing-china-02-maps.html> (Дата обращения: 20.02.2024).
5. Демьяненко А.Н. Российский Дальний Восток: становление экономического макрорегиона // Регионалистика. 2017. Т. 4. № 5. С.5–19. DOI: 10.14530/reg.2017.5
6. Демьяненко А. Н., Клиценко М.В. Опыт междисциплинарного исследования трансграничного региона: Дальний Восток России – Северо-Восточный Китай // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 1. С. 80–94. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-1/80-94>
7. История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. — февраль 1917 г.). Москва: Наука, 1990. 471 с.
8. История Северо-Восточного Китая XVII — XX вв. Кн. 1. Маньчжурия в эпоху феодализма (XVII — начало XX вв.). Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1987. 424с.

9. Кабузан В.М. Дальневосточный край в XVII— начале XX вв. (1640–1917). Историко-демографический очерк. Москва: Наука, 1985. 261с.
10. Киреев А. А. Дальневосточная граница России: тенденции формирования и функционирования (середина XIX - начало XXI в.). Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2011. 474 с.
11. Нестерова Е. И. Русская администрация и китайские мигранты на юге Дальнего Востока России (вторая половина XIX - начало XX в.). Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2004. 372с.
12. Огородников В. И. Туземное и русское земледелие на Амура в XVII в. Владивосток: б.и., 1927. 92 с. [Труды ГДУ. Сер. 3, № 4]
13. Прохоров А. К вопросу о советско-китайской границе. Москва: Междунар. отн., 1975. 288с.
14. Соловьёв Ф. В. Китайское отходничество на Дальнем Востоке России в эпоху капитализма (1861–1917 гг.). Москва: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1989. 127с.
15. Narangoa L., Cribb R. Historical Atlas of Northeast Asia, 1590–2010: Korea, Manchuria, Mongolia, Eastern Siberia. New York: Columbia Univ. Press, 2014. XV, 336p.